

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Кейтлин Крюс

СОБЛАЗНИТЬ
СТРОПТИВОГО РОМАНТИКА

434

Соблазн

 HARLEQUIN®

Кейтлин Крюс
Соблазнить
строптивного романтика
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 434

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69818770*

*Соблазнить строптивного романтика. Роман: Центрполиграф; Москва;
2023*

ISBN 978-5-227-10365-9

Аннотация

Чтобы спасти наследие своего отца, Аннике Шулер придется связать свою жизнь со строптивным и неприятным мужчиной, с которым она никогда не могла найти общий язык. Ей казалось, что она хорошо знает Раньери Фурлана, но каково было ее удивление, когда он открылся ей с другой, более чувственной стороны, и между ними разгорелось невиданное пламя страсти. Сможет ли Анника растопить ледяное и неприступное сердце бизнесмена?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Кейтлин Крюс
Соблазнить
строптивного романтика
Роман

Caitlin Crews
Willed To Wed Him

* * *

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Willed to Wed Him

© 2022 by Caitlin Crews

«Соблазнить строптивного романтика»

© «Центрполиграф», 2023

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2023

ISBN 978-5-227-10365-9

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

Анника Шулер с недоверием уставилась на стол в конференц-зале.

– Это невозможно, – упомянула она уже не в первый раз.

– Твой отец предельно ясно изложил свои пожелания, – сказал адвокат Стенли или как-то так его звали. Он несколько отличался от толпы адвокатов, которые сидели по другую сторону стола, своим упадническим настроением. И складывалось ощущение, будто такой поворот событий застал его врасплох.

Судя по жадным, слишком пронизательным выражениям всех остальных лиц, смотревших на нее в ответ, Анника поняла, что была единственной, кто действительно потрясен последними событиями.

– Его пожелания, может, и ясны, – начала она, – но я почти уверена, что в действительности они незаконны.

Анника попыталась успокоиться, но паника и нечто очень похожее на отчаяние нахлынули на нее, пока она сидела за длинным столом. Все же остальные в этом душном зале юридической фирмы выглядели спокойными. Примерно такой же настрой был изначально у нее, ведь прочтение завещания ее отца планировалось быть не из легких. И не важно, что Беннет Шулер IV фактически был без сознания много лет перед своей смертью. Он был рядом, а теперь его нет.

Девушка ожидала, что все пройдет достаточно болезненно, и так оно и случилось, но Анника никак не могла отделаться от мысли, что все, кто сидел в этой комнате, были спокойны, кроме нее. Она видела свое отражение в блестящей столешнице, и от этого ей никуда не деться. Да и к тому же она отправилась в центр Манхэттена на эту встречу, переоценив удобство своих туфель.

Все закрутилось максимально быстро. Волосы ее были растрепаны, ей пришлось неуверенно ковылять на встречу в неудобной обуви, в то время как все окружающие двигались с должной грацией, да и уверенности в своем дезодоранте у девушки не было из-за жары. Но самым главным был шок от желания ее отца.

Раньери Фурлан, который сейчас стоял спиной к ней в лучах летнего солнца, держал руки за спиной и смотрел в окно. Выглядел он очень достойно, и его одежда выгодно подчеркивала его удивительное телосложение, да и уверенности ему было не занимать, ведь все окружающие всегда обращали на него внимание, как только он оказывался с ними в одном помещении, а что уж говорить про молодых и впечатлительных девушек. Более раздражающих из-за своего превосходства мужчин Анника еще не встречала в своей жизни.

– В юридическом плане, конечно же, есть вопросы, – говорил ей Стенли, а может быть, его и вовсе звали Стюартом. – Позвольте мне прояснить ситуацию. Вы можете выйти в эту дверь, совершенно игнорируя желание вашего отца, относя-

щеся к небольшой части его состояния, так как все остальное в любом случае перейдет к вам. Все, что он сделал, так это изложил список требований, касающихся двух долей его имущества, и определенные последствия, в случае невыполнения. Если в течение трех месяцев после прочтения этого завещания независимая проверка, проведенная этой юридической фирмой, обнаружит, что вы не состоите в браке, «Шулер Хаус» будет передан в дар городу. Если в течение этих трех месяцев мистер Фурлан не женится, он лишится должности генерального директора «Шулер корпорейшн». Если вы не решите вступить в брак друг с другом, последуют значительные штрафы, а именно: вы не сможете работать на компанию «Шулер Хаус», а мистер Фурлан будет осужден.

Анника понадеялась, что все происходящее просто сон, ведь ее родной отец не мог так с ней поступить. Да, он хотел, чтобы она вышла замуж, иначе он отобрал бы у нее ее место в музее «Шулер Хаус», который основали еще ее бабушка и дедушка. Местечко было причудливым и красивым, повсюду стояли произведения искусства и старинные вещицы, и Анника любила там бывать с самого детства. Девушка получила степень по истории искусств в университете Уэлли с конкретной целью, а именно посвятить свою жизнь наследию своей семьи прямо здесь, в Верхнем Ист-Сайде.

Анника стала последним представителем семьи Шулер, и музей помогал ей чувствовать себя не такой одинокой в окружении вещей ее семьи, собранных на протяжении веков.

Лишь музей стал той ниточкой, которая связывала Аннику с предыдущими поколениями. И теперь, когда она сосредоточилась на том, что происходит, поняла, что дела у нее обстояли ужасно. Если в течение двадцати четырех часов после прочтения завещания она не будет помолвлена, ее ожидает штраф. Еще один штраф, если ее избранником станет не Раньери. И еще один штраф, если она и ее избранник не будут жить вместе неделю после оглашения завещания. В том числе ожидали значительные санкции, которые вычитались из средств, оставленных отцом, в случае, если она не выйдет замуж в течение месяца и если брак продлится менее года.

Если бы Анника расторгла помолвку, стала инициатором развода или отказалась и вовсе выйти замуж, она бы просто потеряла «Шулер Хаус».

– Все ли ясно? – спросил Стивен, а может, и Стенли, ну или как его там. И на этот раз доброе выражение его лица ее совсем не ободряло.

– Мне все ясно, – заверила его Анника. Она попыталась улыбнуться, но у нее не получилось. – До сегодняшнего дня я была уверена, что отец любил меня.

Анника старалась не смотреть на отца, но именно в этот момент, когда она об этом задумалась, Раньери дал о себе знать и поерзал на своем стуле. Мужчина повернулся лицом ко всем присутствующим и к Аннике, и она была не единственной, кому стало не по себе от его свирепости, а эта черта была настолько неотъемлемой частью его образа, как и его

темный и идеально пошитый костюм, подчеркивающий мускулистое телосложение.

Раньери Фурлан происходил из древнего итальянского рода, у него были темные волосы и карие глаза. Мужчина сильно выделялся в этой компании. Анника раз или два была в Милане, и, без сомнения, если бы она прогуливалась с ним в Дуомо, потеряла бы его в толпе местных жителей. Раньери без проблем сошел бы за своего.

Раньери пришел в «Шулер корпорейшн» после того, как получил степень в области бизнеса в Лондоне, а затем степень магистра в Гарварде. Девушка училась в старшей школе, когда он так впечатлил ее отца, который уже некоторое время хотел уйти с поста генерального директора. Раньери был не только целеустремленным, как и все те, кто хотел занять должность генерального директора, но еще он хотел сохранить семейную атмосферу в компании.

Аника, еще будучи подростком, не была впечатлена его вмешательством в дела ее семьи, но отец даже не дал ей права голоса. И со временем даже Аника смогла неохотно признать, что при Раньери «Шулер корпорейшн» расцвела. С тех пор как он приступил к своим обязанностям, он приносил большую прибыль с каждым последующим годом, сбавлять обороты он не собирался и по-прежнему придерживался основных ценностей, в которые так сильно верил ее отец.

Аника поддерживала стремления своего отца на протяжении многих лет после смерти ее матери, а также сопро-

вождала его на каждом нью-йоркском светском мероприятии, где было видно влияние Раньери на манхэттенскую публику. На самом деле она изучила его сполна. Он был красив, и отрицать это было бессмысленно, но в Нью-Йорке полно красивых мужчин. Много исключительных мужчин. Раньери был другим, потому что у него было преимущество. Что-то было в чертах его лица и образе. Темные волосы, подстриженные коротко, как будто он хотел, чтобы его взгляд доминировал над публикой, как только заходил в помещение.

Раньери точно знал о своих преимуществах и безжалостно пытался ими воспользоваться. Его носа с горбинкой и чувственных губ было достаточно, чтобы заставить любую женщину трепетать. Он мог то серьезно нахмуриться, то язвительно взглянуть на оппонента, но улыбался редко. Раньери также не утруждал себя светскими беседами. И все же иногда он мог быть очаровательным. В своей напряженной вежливой манере, сосредоточив внимание на неосторожном человеке перед ним и заставляя нервничать.

Эти пять лет были крайне тяжелыми. Автомобильная авария ее отца той зимой застала всех врасплох, и больше всего Аннику и Раньери. Сначала все думали, что Беннет Шулер быстро придет в норму. Он руководил организациями с больничной койки, и все следовали за ним, даже не предполагая, что через неделю после аварии он впадет в кому. В итоге он был на грани жизни и смерти на протяжении нескольких лет.

Анника была уверена, что опека, на которой настаивал ее отец, закончится с его смертью и что Раньери исчезнет из ее жизни. Благо что на момент аварии отца девушка уже закончила колледж. Она была не так молода, и не было нужды подчиняться Раньери. Он всего лишь мог контролировать все финансы, а также он взял на себя ответственность руководить музеем, хотя она явно была против этого.

На протяжении многих лет Анника пыталась доказать, что Раньери не знал об истинных пожеланиях ее отца касательно музея. Но он лишь отнекивался, что сама девушка не знала их. Она была уверена: как только завещание будет озвучено, сумеет отделаться от этого мужчины.

Раньери оглядел комнату.

– Оставьте нас, пожалуйста, – только и сказал он.

Его голос был глубоким с небольшим акцентом. Вся команда юристов покинула комнату еще до того, как Анника успела обдумать сказанное, и затем они остались наедине. Тогда Раньери посмотрел на нее. Это был взгляд, который она часто замечала. Будто он не мог до конца поверить, что существо, которое видел перед собой, действительно было дочерью Беннета Шулера, известного во всем мире своей деловой хваткой и светской грацией. У Анники же не было ни того ни другого. Девушка прекрасно знала об этом, потому что он сам как-то заявил подобное, и она могла заметить, что он планировал добить ее сегодня до конца. Просто потрясающе!

– Ты выглядишь ужасно, – мрачно сказал Раньери ей и, конечно же, был прав. – Значит, таким образом ты решила почтить память своего отца?

– Мой отец любил меня. – Часто Анника пыталась казаться такой же свирепой, как и он, но едва ли ей удалось достичь своей цели. Девушка была слишком беззаботной и веселой. – Он никогда не пытался заставить меня следовать нереалистичным стандартам.

– А ты считаешь стандарты нереалистичными? По пути в этот конференц-зал я встретил множество женщин, и все они, по-видимому, умеют расчесывать свои волосы.

Анника снова взглянула на свое отражение и смогла лишь грустно рассмеяться.

– Я расчесала волосы. Но у меня не было времени, чтобы поправить прическу после того, как я проделала такой путь. У меня возникли некоторые проблемы с туфлями, из-за чего я, собственно, и опоздала. Я просто переживала за твое состояние, ведь, если бы серьезно опоздала, у тебя бы точно случилась аневризма. Так что да, я виню именно тебя в этих неудачах.

– И все же ты сильно опоздала.

Анника махнула рукой:

– Пять минут не в счет.

– Вообще-то десять.

– Мне пришлось долго ждать лифта в этом здании. И в любом случае я не думаю, что проблема в моих волосах.

Их ожидало много проблем, но в тот момент Анника решила сосредоточиться на основных. У Раньери существовала очевидная неприязнь к девушке.

Познакомилась с ним она, когда ей было шестнадцать лет. Конечно же, она обращала внимание, каким очаровательным он был к окружающим, кроме нее. Но какой же неловкой она была. Когда была моложе, она думала, что ей все кажется.

Что надеть, как следует себя вести, чтобы люди думали, что ты старше лет так на десять. Мать помогла бы ей, девушка была в этом уверена, но ее не стало, когда Анника была совсем маленькой. Девушка ее толком не помнила и знала о ней лишь от других людей, у кого действительно были какие-то воспоминания. Так что считай успехом тот факт, что сегодня Анника хотя бы платье правильно надела.

Раньери же смотрел на нее так, словно она была провинившимся подростком. Для него она представляла торнадо, который мог снести фундамент любого здания, если за девушкой не станут пристально следить. По мере того как она становилась старше, его неприязнь только росла. Мужчина не раз давал ей понять, что она опозорила фамилию Шулер. Его аргументы были девушке знакомы. Она прекрасно понимала, что Раньери и ее отец занимались как раз созданием этого имени, в то время как Анника сеяла хаос и смущение, куда бы она ни пошла. Она всегда была слишком неопрятной, слишком неподобающе одетой, слишком легкомысленной, слишком неуклюжей. Анника же видела в этом некий

шарм, в отличие от Раньери, который всегда критиковал.

На самом деле она не привыкла к тому, что людям может не нравиться. Может быть, люди, с которыми ей приходилось встречаться, и не любили ее, но уж точно не ненавидели. Анника была не из тех, кто мог вызвать сильные чувства у других, и она приняла сей факт.

Только Раньери ясно дал понять, что хороших отношений между ними не видать, так еще он всячески пытался оскорбить ее чувства.

– Мне нужен «Шулер Хаус», и я предполагаю, что и ты захочешь исполнять обязанности генерального директора. – Девушка вежливо улыбнулась, потому что либо так, либо она разрыдалась бы прямо сейчас. Он сочтет слезы слабостью, так что не бывать этому. – Так что же ты думаешь? Сбежать?

Раньери смерил ее взглядом, будто она предложила что-то отвратительное.

– Сбежать? – спросил он, как будто ему было незнакомо это слово.

– Это идеальное решение, – весело сказала она.

Они обменялись ледяными взглядами.

– Я не понимаю, почему мой отец посчитал сватовство хорошей идеей, тем более у него было не так много времени, – продолжила она. – Но я считаю, что смогу соблюдать законы, не причиняя себе слишком много неудобств. Мы с легкостью можем просто расписаться. Все проблемы будут решены. Что же касается жизни под одной крышей, то и с этим

можно легко справиться. Я помню, что у тебя есть лофт в центре города, а еще есть семейный особняк. Я уверена, что там достаточно просторно, и мы сможем спокойно жить собственной жизнью, не мешая друг другу. Через год наши с тобой пути разойдутся, и все в выигрыше.

Девушка опустила взгляд на стол, обаятельно улыбаясь. Раньери же казался невозмутимым.

– И как, по-твоему, будет все это выглядеть? – Он задал вопрос так, как будто допрашивал ее, причем в суде, где Анника была известным убийцей, а он судьей. – Как мы объясним все окружающим?

– Что ты имеешь в виду? И разве это так важно?

Его губы скривились.

– Ну конечно же, тебе это не важно. Я не удивлен. Я не могу просто заниматься делами, не обращая внимания на то, как мои решения отражаются на «Шулер корпорейшн». – Он сделал паузу, вероятно, чтобы она могла осмыслить тот факт, что на самом деле просто называл ее беспечной.

Но она никак не отреагировала.

– В высшей степени неприятно представлять себе, как мои коллеги и соперники начнут хихикать из-за условий твоего отца. Станут ли меня когда-нибудь снова воспринимать всерьез?

– Мы не обязаны никому говорить, что таково условие моего отца, если ты не хочешь. Мне все равно, что обо мне подумают.

– Это совершенно очевидно.

Девушка уже привыкла к его оскорблениям, но от этого ей стало не по себе. И все же она сдержалась.

– Но есть еще одна проблема, – размышлял Раньери, сверкая взглядом.

Он, казалось, получал удовольствие, глядя на нее так выскомерно.

– Мне вполне очевидно, что ты хочешь выйти за меня замуж.

– Ох, ты меня совсем не знаешь.

– Ни у кого не возникнет сомнений, что ты всю жизнь испытывала ко мне влечение, – сказал Раньери.

«Да как он вообще смеет такое говорить, – подумала Анника, – еще и смотреть таким холодным взором».

– Но я боюсь, Анника, что никто не сможет поверить, что я когда-нибудь женюсь на тебе, – рассмеялся он.

– Не говори глупостей. Конечно же, твои девушки были чуть ли не все модели с Недели моды, но никто не удивится, если мужчина, который встречался лишь с подобными девушками, вдруг встретит такую скромную, как я. Такие мужчины, как ты, часто женятся на скромницах, а ты, как я могу заметить, крайне серьезно относишься к браку.

– Да ладно тебе, Анника. Будь реалисткой. Дело не в том, что ты проста и скромна. Дело во мне. – Он покачал головой, словно не желая ей ничего объяснять. – Я человек достаточно требовательный. Кто хоть на мгновение поверит, что я

добровольно связался с девушкой, которая толком не заботится о своей внешности?

Ей потребовалось какое-то время, чтобы осознать его оскорбление, но ведь он даже не понимал, что оскорбил ее. Для него это были просто факты, а не собственное мнение. Анника поймала себя на том, что смотрит на него с открытым ртом. Обычно он поднимал свои темные брови и спрашивал ее, все ли с ней в порядке, но сегодня он этого даже не заметил.

– Это слишком неправдоподобно, – продолжил Раньери, как будто находился в одиночестве и просто рассуждал. – Если мы не хотим, чтобы весь мир подумал, что я занимаюсь личной благотворительностью или страдаю от травмы головы, нужно придумать другую причину.

Аннике потребовалась вся сила воли, чтобы удержаться от грубости.

– Не спеши, Раньери, – предупредила она его. – Травму головы всегда можно устроить.

Глава 2

Неужели ты мне угрожаешь? Ты собираешься швырнуть в меня одну из своих драгоценных статуй?

Анника пренебрежительно фыркнула: никто не осмелился бы проявить себя подобным образом в его присутствии.

– Я бы не рискнула испортить произведение Родена о твою голову, Раньери.

Как обычно, спустя мгновение в ее компании он почувствовал, как начинает подступать головная боль.

Раньери не мог винить Беннета Шулера, человека, которым он глубоко восхищался на протяжении многих лет, в тех махинациях в угоду своей дочери. На самом деле он давно задавался вопросом, что делать с Анникой, последней, кто остался в семье Шулер. Она была очень проблемной девушкой, и четкого решения, что с ней делать, у Раньери не возникло. В Нью-Йорке было полным-полно богатых наследниц.

Анника же была совершенно другой, несмотря на то что обучалась в тех же школах и посещала одни и те же балы де-бютанток. Девушка всегда была собой. Он был знаком с Анникой уже много лет, и за все это время ей так и не удалось обрести шарма и блеска. Сегодня она сидела здесь, по этому самому торжественному поводу, с таким видом, будто попала на встречу после посещения парка аттракционов. Она

опоздала и казалась взволнованной. На лице был яркий румянец, а темные волосы были убраны на макушке, причем не очень аккуратно. Некоторые пряди выбивались. Долгое время он считал, что она осознанно пытается выглядеть рассеянной. Он также предположил, что это была своего рода игра в попытке отомстить своему отцу. Так частенько поступали американские подростки, как ему сказали. За годы, прошедшие после несчастного случая с Беннетом, Раньери пришел к пониманию, хотя и неохотно, что игрой ее поступки не были. Такова была настоящая Анника Шулер. Она просто не могла взять себя в руки.

Раньери сделал вывод, что, несмотря на образование мирового класса и тот факт, что она живет в одном из самых фешенебельных городов планеты, Анника всегда будет выглядеть именно так. Какую бы одежду она ни носила и не важно, какой представлялся случай, она никогда не будет обладать внешним лоском.

– Для тебя это, судя по всему, затруднительно, – сладко пропела она. – Может, позовем обратно ту толпу юристов и скажем, что ты не готов выполнить свои обязательства, а ведь мы еще даже не начали.

Раньери пытался справиться со своей головной болью.

– Думаю, нет. «Шулер корпорейшн» – это не просто эксцентричный личный проект вроде твоего музея редкостей. Многие люди пострадают, если мне придется отказаться от компании.

– На самом деле «Шулер Хаус» неизменно считается одним из любимых музеев жителей нашего города, – ответила она, обиженная мыслью о том, что ее участие в этом было... именно таким, каким оно было. – Возможно, потому, что в список различных диковинок входят произведения искусства Яна Вермеера.

– Я прекрасно знаком со многими экспонатами музея, – прорычал Раньери. Как же Аннике удавалось вот так легко сводить его с ума? – И вообще это не имеет отношения к нашему с тобой разговору.

– Не то чтобы это имело значение. Мы должны подойти к этому вопросу по-другому.

Когда он говорил такие вещи в офисе, его подчиненные пытались всячески произвести на него впечатление своим нестандартным мышлением. Анника же, напротив, откинулась на спинку стула и выглядела достаточно враждебно. И настоящая проблема состояла в том, что Раньери не мог поверить в то, что все это происходит именно с ним. Он отличался тем, что не просто желал лучшего, как многие, но всегда добивался своего. Всегда! А женщин он выбирал в свои партнеры не менее тщательно, чем машины, на которых ездил. Его привлекали изысканные линии и шикарное исполнение.

Аника была... не из его лиги.

Так что да, он мог понять, почему Беннет Шулер чувствовал, что у него не было выбора. Разве был другой способ по-

заботиться о своей дочери? Но Раньери сомневался, что сможет так сильно занизить свои стандарты. Что бы ни стояло на кону.

Мужчина прекрасно знал, что чрезмерная гордость на протяжении поколений сбивала с толку членов его семьи. Его отец не обладал многими качествами, необходимыми для ведения бизнеса. Его дедушка, с другой стороны, казался всем слишком высокомерным и недостижимым. Именно такие качества и унаследовал Раньери. Но он, ко всему прочему, построил целую империю. Считать себя одним из самых могущественных людей на свете – вовсе не высокомерие, а факт. А он всегда предпочитал факты. Соперников у него не было, а теперь, когда Беннета Шулера нет в живых, «Шулер корпорейшн» целиком и полностью принадлежала Раньери. Штрафы по завещанию для него были мизерными, но все же. Отпустить ситуацию просто так было не в его власти.

Особенно не из-за этой серой зоны, в которой он застрял на протяжении последних нескольких лет. Учитывая видимость контроля над единственным оставшимся членом семьи Шулер, которая могла бы бросить ему вызов, если бы только захотела. Если, конечно, она также претерпела серьезное изменение, которое, по его мнению, маловероятно, и стала серьезным человеком, способным произвести впечатление на акционеров. После чего он посмотрел на Аннику.

– Есть всего лишь одна причина, почему люди могли бы поверить в наш союз, – начал он.

Девушка выглядела оскорбленной таким заявлением, и, заметив ее реакцию, Раньери ухмыльнулся:

– Страсть.

– Что, прости, ты... Страсть? – Анника выглядела испуганной.

– Секс – единственная вещь на этой земле, которая может убедить мужчину забыть о своих угрызениях совести, своих предпочтениях, своей репутации и положении. – Раньери вздохнул, возможно, немного более драматично, чем необходимо. – Хотя я, пожалуй, соглашусь с тобой, причина приянута за уши.

– Секс, – повторила она, словно он произнес ужасное ругательство. – Да ты, должно быть, шутишь.

– Таким образом мы сможем объяснить весь этот хаос, – сказал он в защиту своей идеи. – К чему еще вся эта спешка? Если мы поженимся в течение месяца, это вызовет всевозможные обсуждения. Я скажу, что все те пять лет, что твой отец находился в коме, я подавлял свои желания, но теперь, когда он мертв, нам нет смысла скрываться и ждать.

Раньери уже планировал, как будет распространять слухи об их отношениях.

– Возможно, это не самое элегантное решение, но я чувствую, что оно может сработать. В любом случае определенный эффект будет.

Раньери прекрасно понимал, какое влияние имел на женский пол. Но Анника была другой. Она всегда смотрела на

него так, как делала лишь она: будто он только что вылез из-под ближайшего камня и только она одна могла видеть грязь, прилипшую к нему. Возможно, он не замечал чего-то такого, чего видела она?

Но Раньери как-никак был из семьи Фурлан. Он мог без труда проследить весь свой род вплоть до XIX века.

Он не привык чувствовать дискомфорт. И лишь в присутствии Анники чувствовал себя таким образом.

Можно с уверенностью сказать, что он вовсе не ценил Аннику Шулер. Но если ему нужно будет жениться на ней, чтобы наконец получить то, чего он полностью заслуживал, что ж, так тому и быть. Он был готов на подобный шаг.

Даже если это означало, что ему придется делать вид, что он одурманен и влюблен в эту девушку.

– Я просто считаю, что не все люди поверят в наш фарс, – сказала Анника, глядя на него с недоверием.

– Нам же не нужно одобрение окружающих, – отреагировал Раньери так, словно она привела логичный аргумент. – Вполне понятно, что люди начнут шептаться об истинной причине. Пусть себе судачат, нас это волновать не должно.

Он ожидал, что в его сторону полетят похвалы, как это обычно и происходило.

«Спасибо, Раньери, ты совершенно прав» – вот какие слова он ожидал от Анники.

Но кого он обманывал, это же Анника Шулер. Единственная женщина, которая смотрела на него так, будто он гово-

рил какой-то бред и ничего не понимал.

Сегодня у нее хватило наглости сидеть там с растрепанными волосами и смотреть на него, как на безумца, а она словно была оплотом спокойной рациональности.

Раньери увидел, что она сбросила туфли и села босиком в одной из самых величественных и уважаемых юридических фирм в мире. Тем не менее именно ее выражение лица будто говорило, что не ей стоит смущаться, а ему.

Она поморщила нос:

– Не уверена, что я готова во всеуслышание заявлять о вспыхнувшей страсти к тебе. Это настолько внезапно и нехарактерно для меня, что я поспешно выхожу замуж за мужчину, которого никогда не видела своим мужем. Никто из моих знакомых не поверит, что я могу сойтись с таким мужчиной, как ты.

Раньери потребовалось немало времени, чтобы признать, что ей действительно удалось вывести его из себя. Обычно он мог контролировать свои эмоции, но сейчас, когда неряшливая и дерзкая девушка смерила его взглядом, Раньери понял, как закипает.

С другой стороны, он всегда придерживался цивилизованного решения вопросов. Он сам решит, каков будет исход, и женщина, которая была заинтересована в его отставке, никак на нее не повлияет. Ей нужен был этот дурацкий музей, но кто знает, может, девушка была заинтересована в получении и «Шулер корпорейшн». Конечно, ее кандидатура

на должность руководителя не рассматривалась бы, но компания как-никак носила ее фамилию.

В любом случае, какими бы ни были ее мотивы, Раньери не собирался реагировать на ее уколы.

– Я прекрасно понимаю, что я не всем по вкусу. Богатый, убийственно привлекательный и востребованный всеми и каждым может оттолкнуть некоторых, я в этом уверен. Если бы не я, то наверняка тебя бы привлек бедный и слабый мужчина.

– Я в этом не уверена, – сказала она, наклонив голову, и глаза ее засверкали.

Почему раньше Раньери не замечал, какого цвета были глаза у девушки? Не карие, не болотного цвета. Они были ярко-зелеными.

– Мания величия – это факт, – ответил Раньери. – В этом нет сомнений. И ты прекрасно это знаешь.

– Пусть будет так, – фыркнула Анника.

– И на этом спасибо. Мне все равно, узнает ли весь мир о том, что я вынужден был жениться на тебе, чтобы отстоять свои принципы. В этом нет ничего плохого.

– Я понимаю.

Раньери долго смотрел на девушку, наслаждаясь тем, как румянец появляется на ее щеках.

– Значит, ты готова сдаться?

– Вовсе нет. Я просто... не согласна с твоими словами.

– Но ты уже согласилась. – Он слегка покачал головой,

будто разочаровался в ней еще сильнее. – Можно ли верить твоим словам, Анника? Неудивительно, что твоя жизнь такая... несчастная.

– Не говори чушь.

Аника резко встала. Ее льняное платье сильно помялось. Пучок сполз, из-за чего ее волосы стали выглядеть неряшливо. Она поморщилась, и эта реакция лишний раз доказала, что ходить на каблуках девушка не умела, а ведь она даже не сделала ни единого шага.

Раньери захотелось воскресить из мертвых Беннета Шулера, чтобы свернуть ему шею своими руками.

– Ты не можешь заставить меня делать то, чего я не хочу, – сообщила ему Аника. – Я на тебя не работаю. Возможно, твои качества альфа-самца сослужили хорошую службу на работе в качестве генерального директора, но ты мне никто.

В какой-то момент он задумался, каково это – коснуться ее беспорядочных шелковистых каштановых волос, но тут же прогнал эту мысль. Не все вопросы требовали ответов.

– Забавно, что ты упомянула мою должность генерального директора, – сказал Раньери с осторожностью.

Может, эта фраза даже прозвучала достаточно сурово. Он напомнил себе, что не обязательно играть в эти игры. Он безоговорочно следовал указаниям Беннета Шулера, чтобы достичь своих собственных целей. Стоит признать, что виной всему его сентиментальность. – На твоем месте, Аника, я бы помнил о разнице, которая существует между нами. На-

сколько мне известно, этот твой музей – единственное место, где ты могла бы работать. Других должностей тебе не видать.

– На самом деле я не пыталась устроиться на работу где-то еще. Но если бы решилась, то стала бы неплохим кандидатом на должность. По ряду причин.

– Поверь мне, едва ли, – коротко подметил он. – С другой стороны, хотя я и хотел бы сохранить свою должность в «Шулер корпорейшн», в этом нет необходимости. В конце концов, Анника, я – это я.

Она моргнула, а затем неосознанно закатила глаза. Свои невероятные зеленые глаза. Прямо перед ним...

Раньери стиснул зубы и продолжил свою мысль:

– Все двери открыты передо мной. Так что работать я могу где угодно. Большинство компаний попытались бы заполнить меня. И я вижу, что у тебя есть что сказать. – Он заметил, что Анника уже открыла рот, чтобы возразить ему. – Но опять же, речь идет о высокомерии. Твоем высокомерии, не моем. Такова реальность. И думаю, нужно быть очень осторожными.

У Раньери сложилось впечатление, что она хотела разозлиться на него, а это было даже забавно и интригующе. Как бы она выглядела в ярости? Девушка уже покраснела от злости, но что будет дальше?

– Давай проясним ситуацию, – тихо сказала Анника. – Я хочу быть уверена, что полностью тебя понимаю.

– Я думаю, ты прекрасно меня понимаешь. Должен на-

помнить лишь один момент: я твой генеральный директор.

Ему, по всей видимости, нравились конфронтации с Анникой. Ему всегда нравилось побеждать, иначе и быть не могло.

Глава 3

Анника прекрасно осознавала, что ни на что не соглашалась. Но ее устное подтверждение, по-видимому, было излишним. Потому что именно Раньери взял на себя весь контроль над ситуацией. Он выглядел так надменно, словно хотел посмеяться над ней в этом конференц-зале, а ведь она наивно полагала, что сумеет одержать над ним верх.

– Ты не могла бы надеть туфли? – сказал Раньери своим типичным ледяным тоном, пытаясь заставить Аннику почувствовать стыд и неудобство, точно так же, как когда она была девочкой-подростком.

Неприятные воспоминания тех лет нахлынули на нее.

Анника прикусила язык и оставила свои возражения при себе. Она надела туфли, пытаясь игнорировать их неудобство, и похромала за Раньери. Мужчина подошел к двери конференц-зала в своих итальянских туфлях явно ручной работы, после чего пригласил всю команду адвокатов. Он просто появился в дверном проеме, ничего не сказал, и люди тут же последовали за ним. Если бы он прикрикнул, щелкнул пальцами или подал какой-то еще знак, они все тут же стали бы плясать под его дудку. Начало положено, да и конец тоже близок... для самой Анники. Девушку вообще нельзя было назвать угрюмым человеком. Вот почему она была хороша в том, что делала, заставляя людей делать пожертвова-

ния для сохранения бесперебойной работы музея. Персонал был счастлив, а музей – до сих пор желанное место работы.

Но воля ее отца и его требование омрачили ее. Раньери выкрикивал команды, адвокаты суетились, делая записи и настойчиво соглашаясь со всем, что он говорил, и следующее, что она осознала, что уже сидела на заднем сиденье сверкающего лимузина, скользя сквозь пробки Манхэттена. Разве кто-то или что-то могло заставить Раньери ждать?

Анника не уточнила, куда они направляются. Потому что у нее сложилось отчетливое впечатление, что он жаждал, чтобы она спросила. И он бы имел удовольствие в очередной раз показать свой контроль над ситуацией. Девушка не хотела подыгрывать ему. И тут же решила, что не станет угождать Раньери ни в чем.

Поэтому Анника вынуждена была сидеть рядом, наблюдая за тем, каким довольным он был, а сама думала лишь о том, что ее податливость могла для него означать. Раньери выглядел крайне мужественно, в то время как многие другие выглядели бы в костюмах комично, словно пытались играть роль Джеймса Бонда. Больше всего ее волновал вопрос, чего же ожидать ей в дальнейшем, ведь на самом деле она не дала своего одобрения на женитьбу... но выйти за Раньери замуж ей все же придется.

Девушка старалась не поддаваться панике, насколько это было возможно.

– Неужели ты планируешь осыпать деньгами людей, ко-

которые посмеют поставить под сомнение наш нечестивый союз? – спросила она. – Такое событие точно попадет во все местные газеты.

Раньери лишь метнул в ее сторону суровый взгляд.

– Жди здесь.

Его водитель открыл дверь, и Раньери вышел из машины, не хватаясь за спинку сиденья. Это было не в его правилах. Его движения казались изящными, а тело – сильным и гибким.

И вот вновь Анника задумалась о его теле. Оставшись в одиночестве на заднем сиденье, она позволила себе немного передохнуть и проверить свою силу духа. Это утро превзошло все ее ожидания. Так что теперь она, наконец, смогла признать, что внутри бушевало слишком много противоречивых чувств. Но самое главное смятение было связано с тем, что отец разочаровался в ней.

«Эмоции – это ловушка, девочка моя, – не раз говорил Беннет. – Будь лучше этого, а если не получается, пожалуйста, не стоит показывать свои чувства обществу». Девушка поймала себя на том, что улыбалась даже сейчас. Даже в таких обстоятельствах. Таков был ее отец, и этим все сказано. Грубоватый, резкий и забавный. Анника безумно скучала по нему. По крайней мере, когда он был в коме, она могла навещать его и быть просто с ним рядом. Девушка сидела возле его кровати и рассказывала о своей жизни. Держала отца за руку и просто любила его.

Правда была такова, что, несмотря на все, что ей говорили врачи о состоянии здоровья Беннета Шулера, Анника верила, что он сильный и сможет все преодолеть. Он встанет и займет свое законное место, и эти пять лет, что он провел в коме, просто сотрутся из ее памяти, как будто ничего и не было. Она, возможно, не до конца осознавала, что ее отца больше не было в живых, и похороны не расставили точки над «і». На прощание пришло много людей, которые уважали и любили Беннета, но сама Анника была от них не в восторге. Все потому, что они были двуличны.

«Ах, эта бедная и грустная девушка», – как-то раз услышала она от одного из друзей ее отца. Едва ли ее рассматривали как возможную наследницу состояния Беннета. «Может, он умер, чтобы избежать позора», – ехидно хихикнула она.

Анника не смогла сдержать улыбки, представляя, как все высокомерные люди, с которыми она была знакома,отреагируют на последние новости.

«Неужели он ее хочет?» – будут говорить люди. Эта мысль так рассмешила ее, что даже пришлось прикрыть рот ладонями. И чем больше пыталась успокоиться, потому что даже она знала, что нехорошо так заливаться хохотом, тем громче был ее смех, переходящий в истерику.

Спустя мгновение она поняла, что ее смех уже напоминал рыдания. Горе может проявляться по-разному, и придет оно тогда, когда будет нужно. Оно останется с ней на какое-то

время и уйдет, когда будет полностью к этому готово – и ни минутой раньше.

Тем не менее, когда Раньери сел в машину, девушка сумела прекратить свои рыдания прямо перед его возвращением, чему была безумно горда. Но потом Анника задалась вопросом: почему же она не сбежала? Все дело в принципе. Она просто не могла убежать от происходящего, и она это понимала. Но сдаться ему так просто не в ее стиле. Легко Раньери уж точно не будет.

Он был из тех мужчин, кто понимал свою власть над другими людьми. Куда бы он ни пошел, народ следовал за ним. И стоит признать, что Анника получала удовольствие от того, что ей удалось хоть на несколько мгновений разрушить его иллюзии, и он уже не выглядел столь высокомерным. Когда он сел в машину, девушка изрядно удивилась. Возможно, все дело было в нем: раздался типичный шум Нью-Йорка, суета, запахи, беготня людей. Но, оказавшись среди всего этого, он не слился с обстановкой, а показался Аннике более грубым и суровым, нежели спешка и вихрь самого Манхэттена.

– Неужели тебе не дали мешки с твоими деньгами? – спросила она, потому что в руках у него не было ничего. Она драматически вздохнула. – Разве они не знают, кто ты такой?

Раньери проигнорировал ее едкий комментарий и приказал водителю продолжить их путь.

– Я общался со своими людьми, чтобы те подготовили со-

ответствующее заявление.

Может быть, ей следовало быть благодарной за то, что он пытался изо всех сил выглядеть хладнокровным и деловым. С другой стороны, таков был Раньери. Он постоянно был в важных делах и каких-то силовых играх. Такова была жизнь Раньери Фурлана.

– В течение часа мой запрос будет доставлен в СМИ.

– Позволь спросить: и в чем же заключается твое заявление? – Анника почувствовала, как внутри неудержимый смех охватил ее вновь. – Неужели то, в котором говорится, что ты мой босс?

Раньери немного повернулся и теперь смотрел ей прямо в глаза. Его взгляд прямо-таки впивался, отчего ей казалось, будто ее пригвоздили к сиденью автомобиля. Именно так оно и чувствовалось.

– Я смотрю, ты получаешь удовольствие от этой ситуации, – сказал он с мягкостью, которая наверняка была обманчива. – Действительно, кто-то же должен. Мое мнение: было бы гораздо лучше, если ты пообщалась со СМИ наедине. Едва ли они будут к тебе благосклонны на глазах у публики.

– Боже. Будут еще и заявления для публики?

– Я занимаю не последнее место в этом городе, так что все, что связано с моей жизнью, попадает в новостную ленту.

Девушка покачала головой:

– Ты же не станешь посвящать все свое время и всего себя

этому или я ошибаюсь?

Раньери взглянул на нее в обычной для себя манере: вот уже на протяжении пяти лет ничего не изменилось, он как был ее опекуном, в котором она не нуждалась, так им и остался. Ее присутствие требовало от него огромного терпения.

Были времена, когда Анника находила его реакцию забавной, сегодня же это был не один из тех моментов.

– Моя бабушка, как и большинство женщин в моей семье, обладала врожденной элегантностью и изысканным стилем. Она общалась с лучшими ювелирами Парижа по поводу кольца, которое я дарю тебе в надежде, что ты его примешь...

– Мечешь бисер перед свиньями? – бросила она. – Вот что ты имел в виду!

Лицо Раньери стало мрачным. Он полез в карман, достал маленькую бархатную коробочку и открыл ее. Анника любила красивые украшения. Музей был полон ими. Ее мать оставила Аннике все свои бриллианты, и девушка очень дорожила ими. Она придумывала различные истории, связанные с драгоценностями, и старалась найти фотографии своей матери, чтобы носить украшения, как она. Но дело касалось не только украшений ее матери. Как единственная наследница в семье Шулер, она получала драгоценности отовсюду, а когда надевала их на себя, то чувствовала некую близость ко всем женщинам, которые носили их еще до нее. Но кольцо

в той маленькой коробочке, которую держал Раньери, было просто огромным.

– Это кольцо или спасательный круг?

– Это единственный в своем роде шестнадцатикаратный бриллиант огранки «Ашер», которому нет равных, – прорычал он.

У Анники возникло странное ощущение, что она обидела его, и тогда он потянулся и взял девушку за руку, не в силах больше скрывать своего нетерпения. Она прекрасно понимала, чего он хочет. Была одна лишь вещь, которой он пытался добиться. И все же в ее теле возникла дрожь от непонятного предвкушения. Хотя, может, она просто надумала себе лишнего. Его прикосновение ничего толком не означало, все было не по-настоящему.

Самое главное – ей не хотелось, чтобы Раньери прикасался к ней. Она никогда этого не хотела. Анника ощутила прохладу платинового кольца, которое он пытался надеть на ее палец. Камень же и вовсе напоминал мяч для гольфа. Просто какое-то безумие! Возмутительно!

«Кольцо выглядело просто потрясающе», – подумала она фактически против своей воли. Оно словно парило над ее рукой, пытаясь поймать весь свет и создавая красивые блики. Сам бриллиант был огранен таким образом, что напоминал зал с зеркалами. Как будто она могла просто погрузиться в него и исчезнуть навсегда...

Анника и сам Раньери, казалось, в один и тот же момент

заметили, что кольцо идеально подходит ей. Как будто оно было сделано именно для нее. Их глаза встретились, и создатель впечатление, будто все изменилось. Они не были в этой машине, мчащейся по улицам Нью-Йорка. Они находились в каком-то другом месте, где были лишь его прикосновения, прелестное кольцо на ее пальце, и его глаза цвета золота завладели полностью ее вниманием.

– Поздравляю, – выпалил Раньери, разрушая чары.

Сильная дрожь вновь завладела ее телом, и появилось нечто темное, какое-то предчувствие.

– Теперь мы обречены.

Раньери произнес это так, словно вынес тюремный приговор.

Анника пробиралась сквозь толпу людей высшего класса, прекрасно понимая, что за последние полторы недели побывала на большем количестве вечеринок, чем за все предыдущие пять лет своей жизни. Она открыла для себя множество вещей. Одна из них – что ей на самом деле не нравились все эти нью-йоркские светские тусовки. Эта же проходила в лофте промышленного здания и пользовалась популярностью только из-за огромных панорамных окон с красивым видом на город. Иногда, как ей дали понять, здесь устраивались художественные выставки. Сегодня же тут собралась богема. Самые лучшие, самые успешные и самые чванливые люди Нью-Йорка, которые собирали деньги на то и на се.

Ей быстро надоела нетипичная для нее обстановка. Когда Раньери отвез ее домой в день их помолвки, казалось, что весь город разузнал про эту новость. Ее телефон трезвонил не умолкая, а такого в ее практике никогда не случалось. В тот день Анника приехала в свою просторную квартиру на Пятой авеню, которая занимала три этажа и была прекрасным местом, где можно было спрятаться от остального мира.

Она оставила свой телефон на столе в холле, чтобы тот не мешал ей, и, если бы не украшение на ее пальце, сумела бы убедить себя в том, что ничего особенного с ней в тот день не произошло.

Вот только на следующий день рано утром в дверь ее спальни нетерпеливо постучали. Когда она открыла, ожидая, что один из сотрудников ее отца сообщит ей, что случилось что-то срочное, например, потолок в квартире обвалился, то ее удивлению не было предела: она увидела на пороге Раньери.

– Что ты?.. – начала возмущаться она, сбитая с толку его присутствием. Девушка обратила внимание, как изысканно и почти противозаконно привлекательным был он, в то время как она облачена в бесформенную футболку, доходящую почти до колен.

– Наше первое мероприятие в качестве пары состоится сегодня вечером, – сообщил ей Раньери. – Я настаиваю на том, чтобы привести тебя в порядок.

Аника только встала с постели, и причиной его заявле-

ния вполне мог стать ее заспанный вид. «И вообще, как он оказался в моей квартире?» – задалась она вопросом.

А далее последовало одно унижение за другим. Волосы были взлохмачены, футболка выглядела неопрятно, и все это послужило причиной его возмущений. Анника многое бы отдала, чтобы швейцар не впускал Раньери в ее квартиру.

Телефон Анники не умолкал, и в это утро в компании Раньери она ощутила, что ее жизнь полностью менялась. И это было ужасно.

Она была помолвлена с самым завидным холостяком. Повсюду ее окружали камеры, фотовспышки и неприятные люди, выкрикивающие ее имя. Само кольцо вызвало переполох. Раньери отчитал ее за то, что она сняла его на ночь.

– Я никогда не сплю в своих украшениях, – сказала Анника, хмуро глядя на него, когда наконец выпила достаточно кофе и надела подходящую одежду.

– Предлагаю тебе поменять свои привычки.

Раньери подождал, пока она соберется, а затем они направились в симпатичный дом из камня, который располагался вблизи района, где Анника выросла. Но, как оказалось, его замысел нельзя было назвать невинным. Это был вовсе не жилой дом, а современная версия салона модистики. Раньери заманил девушку сюда, а затем, посоветовавшись некоторое время, оставил ее на растерзание стилистов, которые были одеты в черное. Девушки злобно смерили Аннику взглядом. Их главная цель – подобрать ей соответствующие наряды,

именно так они и твердили. Соответствующие!

– У меня полно одежды, – пожаловалась она перед уходом Раньери. – Очень много одежды.

– От моей женщины будут требовать определенных стандартов. Определенный вид и одежда, и лишь бы какая не подойдет. А если повезет, твой новый образ придаст тебе больше элегантности.

Ей потребовалось некоторое время, чтобы понять, что, по его мнению, элегантностью она не обладала. Анника хотела разозлиться на него, что, собственно, и сделала. Но на протяжении десяти дней ей пришлось мириться с папарацци, и таковы были новые реалии ее жизни. Как и тот факт, что девушка была неуклюжей. Она путалась в собственных ногах, на голове был бардак, и поэтому ей необходима помощь со стороны.

Общественности нравилось видеть ее фотографии, где она выглядела глупо и несуразно, и застать ее в таком виде не составляло особого труда. Тем временем Раньери таскал ее по различным мероприятиям. Одно дело, когда она сопровождала своего отца. Люди были к Аннике снисходительны. В те времена девушка участвовала в беседах своего отца, вела праздные беседы, но, как только речь заходила о бизнесе, тут же извинялась и уходила.

И не для того, чтобы могла смешаться с теми людьми, которые посещали эти вечеринки. Об этом не было и речи. Ее истинные друзья не посещали светские мероприятия в Нью-

Йорке. В противном случае они не стали бы ее друзьями. На такие мероприятия Анника ходила одна. Таким образом она подружилась со многими рестораторами и актерами, а это означало, что со временем могла попасть в лучшие места и появиться за кулисами лучших шоу. Она видела, как многие делали то, чего не следовало, то тем не менее сейчас это не имело никакого значения. С Раньери она стала в центре внимания.

Анника никогда не выглядела утонченно, в то время как он выглядел элегантно без особого труда. Ее ждали и другие опасности в лице женского населения. Слишком много утонченных девушек было рядом, они кружили вокруг нее, словно акулы, готовые напасть при удобной возможности.

Многие подозревали, что она беременна. А это лишний раз указывало на то, что люди верили в их близость. Что они в самом деле занимались сексом. Другие же не верили, что у них вообще дошло дело до секса.

Сегодня вечером, например, Аннику вовлекли в безумно утомительную беседу три дебютантки, которых она знала. Хотя ей хотелось сделать вид, что они незнакомы, но так случилось, что они вместе ходили в частную школу. Одна была помолвлена в пятый раз. Другая собиралась выйти замуж во второй раз. Третья дебютантка – светская львица с раннего возраста, которая стала главной звездой таблоидов. И они хотели поговорить о том, как сильно желали дружить с Анникой все эти годы.

Ложь!

Девушка распознала эту ложь еще до того, как некоторые высказали резкие замечания по поводу ее кольца.

– Я же предпочитаю классический стиль, – сказала одна, хотя все ее лицо выражало чистую зависть. – Но считаю, что, если бы мне удалось охмурить Раньери Фурлана, то тоже хотела бы, чтобы доказательства моего триумфа виднелись из космоса.

Анника желала признаться, что она вовсе не жаждет быть невестой Раньери, и подобные триумфы ей были ни к чему. Но сдержалась, вместо этого протянула левую руку и посмотрела на огромный камень, как будто никогда не видела его раньше, а затем взглянула на «классический» стиль камня на руке своей знакомой. Ее реакция могла быть воспринята как издевка. Но дело в том, что Анника не умела играть в эти игры. Особенно ей были ненавистны разговоры Раньери, что их помолвка – результат бурной страсти.

Страсти!

Анника слышала, как он говорил об этом не раз сегодня вечером, хотя всячески пыталась обходить Раньери стороной.

– В какой-то момент мы уже не смогли отрицать ту страсть, которая возникла между нами, – услышала она его слова. – Каюсь, моя вина.

Он был ужасно сосредоточен. Мало того что он нанял ей личного стилиста, от которого Анника пыталась отделаться,

так еще теперь ей пришлось прятаться от Мариссы, ее визажиста, которая преследовала ее по пятам, пытаясь подправить макияж.

– Я перевезу все твои вещи в мой лофт в Трайбеке, – сказал Раньери ей в тот день, который был посвящен ее преображению.

Она слишком долго примеряла всевозможные образы, и, по крайней мере, ей не пришлось делать этого при нем, к тому же он даже не оторвался от экрана своего ноутбука. Когда он планировал перевезти ее вещи? Скорее всего, завтра, но ей было наплевать.

– У меня есть идея получше, – возразила Анника, чувствуя себя уязвленной. – Почему бы тебе не переехать в мою квартиру? У меня есть явное преимущество в виде нескольких этажей, которые можно без проблем разделить между нами, и всем будет комфортно.

– Думаю, нет, это плохая идея. Данный шаг не произведет должного впечатления. Ты переезжаешь ко мне.

Так и случилось, потому что Анника прекрасно понимала, что спорить с ним невозможно. И когда все вокруг менялось так стремительно и против ее воли, просто потерять «Музей Шулер» она не могла. Это единственное место, что у нее осталось от отца. Вот почему она так отреагировала на ультиматумы Раньери.

– Свадьба состоится через неделю, – сообщил он ей по дороге на благотворительный вечер. Выглядел он равнодуш-

ным. – Твое свадебное платье уже готово.

«Ну конечно же, разве могло быть иначе?» Девушка обратила свой взгляд в окно и теребила кольцо на руке, заставляя его сверкать в свете проезжающих такси. Возможно, это был ее крик о помощи.

– Конечно, со мной советоваться не стоит. Я же всего лишь невеста, да и только.

Раньери проигнорировал ее замечание, как и большую часть того, что она говорила. Иногда ей казалось, что если он добьется своего, то и вовсе запрет ее в своем лофте, в гостевой комнате на чердаке, где Раньери ее и разместил. Стены там были сделаны из кирпича, неподалеку располагалась роскошная ванная, и стоит упомянуть убийственный вид. Каждую ночь Анника засыпала и мечтала о нем. Ха! Таков мог бы быть идеальный мир, но на самом деле все выглядело иначе.

– Я думаю, нам стоит заехать в мэрию и покончить с этим, – сказала она чуть ранее. – Без суеты.

И вдобавок все не будет выглядеть как настоящая свадьба.

– Этому не бывать, – ответил он. После чего приподнял голову и окинул ее пристальным взглядом. – Мы поженимся в Нью-Йорке, где нас все прекрасно знают. О мэрии речи не идет. Я думаю, что твой любимый «Шулер Хаус» прекрасно подойдет для нашей свадьбы.

Анника резко напряглась.

– Нет, это исключено.

– Это не просьба, Анника, – ответил Раньери суровым тоном. – Во-первых, в столь короткий срок сложно найти подходящее место. Во-вторых, не секрет, что ты очень любишь это место, поэтому люди с легкостью поверят в истинность наших намерений.

– Искренность наших намерений?! – возмутилась девушка. – Никаких подтверждений искренности нет. И почему я не удивлена, что ты об этом не знаешь?

– Все очень серьезно. Не будь наивна. – Раньери покачал головой.

– О нас ходят слухи, я уверен, ты понимаешь, о чем я толкую. А свадьба в «Шулер Хаус» лишь успокоит публику. Да и медовый месяц нам только на руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.